

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5
EDN FDXMCW

Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 1

Чжан Цзэмин

Аспирант, университет Цинхуа, КНР, г. Пекин
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Аннотация. В современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Данная статья посвящена обсуждению текущих проблем и задач, стоящих перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенностям и новым перспективам регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. В данной статье утверждается, что хотя традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в современную международную повестку дня и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен новый региональный порядок «управления на основе ритуала», в котором идея «礼尚往来» (lǐshàngwǎnglái) является основной моделью регионального управления. В первой части исследования рассматриваются основные этапы эволюции

© Чжан Цзэмин, 2023

регионального управления в Восточной Азии и выявляются основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики.

Ключевые слова: региональное управление; новый ритуальный порядок; культурное управление; глобализация; постгегемонистское институциональное управление; Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Чжан Цзэмин Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» («新礼治秩序»). Часть 1 // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 5-21. 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. <https://elibrary.ru/FDXMCW>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Regional governance in East Asia under the
“new ritual order” (新礼治秩序). Part 1**

Zhang Zeming

Post-graduate student, Tsinghua university, PRC, Beijing
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. In today's context of globalization and regionalization, the joint governance of East Asia's regional social processes has become increasingly relevant and important, concerning such issues as mutually beneficial trade, environmental management, coordination of regional fishery, crisis management of disputes over land ownership, the development and use of natural resources, as well as designing mechanisms for regional cooperation in the field of security. This article focuses on discussing the current problems and challenges of regional governance in East Asia, as well as the specifics and prospects for East Asia's regional governance based on the “new ritual order” in the East Asian region in the context of cultural governance. The author claims that although the traditional concept and logic of international governance, (i.e. post-hegemonic institutional governance in anarchic international societies) can play a certain role in the modern era, the logic of governance in the form of cultural governance is entering the contemporary international agenda and gradually moving closer to the center of the international governance system, as international politics is taking a social turn and developing further. At this time, a new regional order of “ritual-based governance” is especially important, and the idea of “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) is the key model for regional governance. The first part of the study examines the main stages in the

evolution of East Asia's regional governance and identifies the main aspects of the new regional governance order in the context of regional cultural policy.

Key words: regional governance; new ritual order; cultural governance; globalization; post-hegemonic institutional governance; East Asia; Asia-Pacific region

For citation: Zhang Zeming Regional governance in East Asia under the “new ritual order” (新礼治秩序). Part 1. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):5-21. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. <https://elibrary.ru/FDXMCW>.

Введение

Поскольку глобальные проблемы в современном обществе становятся все более заметными, дальнейшее укрепление эффективного глобального управления отвечает общим интересам всех стран мира и становится главной темой развития и сотрудничества всех регионов. После окончания холодной войны регион Восточной Азии играет все более важную роль в продвижении практического процесса и концептуализации глобального управления, наряду с ускоренной трансформацией международной системы, подъемом развивающихся держав и смещением фокуса мирового развития на Азиатско-Тихоокеанский регион. Восточная Азия – это историко-географическое понятие, но в то же время и понятие символическое. В политологии оно иногда фигурирует как геополитическое понятие. Древняя восточноазиатская система часто ассоциировалась с Китаем, а в последнее время Япония предложила концепцию «Большой восточноазиатской сферы совместного

процветания». Во время холодной войны концепция Восточной Азии, казалось бы, исчезла из международной политики. В 1997 году Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) инициировала организацию сотрудничества АСЕАН + Китай-Япония-Южная Корея (10+3), в рамках которого лидеры 13 стран признали себя странами Восточной Азии, тем самым определив концепцию Восточной Азии как «Северо-Восточная Азия» + «Юго-Восточная Азия», и механизм 10+3 стал основным каналом сотрудничества в Восточной Азии. Кроме того, Северная Корея, Монголия и Дальний Восток России являются частью Восточной Азии, а США, в качестве географического аутсайдера, также стали оказывать сильное влияние на структуру международных отношений в Восточной Азии, при этом Индия, Австралия и Новая Зеландия также оказались вовлечены в процесс интеграции в Восточную Азию. Восточная Азия в настоящее время является не только одним из наиболее активных

регионов мира, но и одной из важных точек роста мировой торговли. Благодаря совместным усилиям, страны Восточной Азии вышли из тени финансового кризиса, преодолели проблемы терроризма, добились успеха в экономической реструктуризации, ускорили темпы модернизации промышленности, достигли расцвета регионального сотрудничества и повысили свою устойчивость к рискам.

В современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Как мы понимаем текущие проблемы и задачи, стоящие перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенности и пути регионального управления в Восточной Азии? Данная статья посвящена новым перспективам в региональном управлении в Восточной Азии и обсуждает возможность «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. В данной статье утверждается, что хотя

традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в повестку дня международного управления и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен региональный порядок «нового ритуального управления», в котором идея «礼尚往来 [lǐshàngwǎnglái]» является основной моделью регионального управления.

**Историческая эволюция
глобального управления
к региональному управлению
в Восточной Азии**

Среди различных определений управления, самое развернутое и авторитетное дала Комиссия по глобальному управлению. В 1995 году Комиссия определила «управление» как «совокупность многих способов, с помощью которых отдельные лица и учреждения, как государственные, так и частные, управляют одними и теми же делами» [俞可平, 2000, с. 270-271]. Его также описывают как «институциональное регулирование и сотрудничество между участниками в поиске желаемых результатов» или

как «формальные или неформальные процессы и механизмы, которые направляют и ограничивают коллективные действия группы» [Sayuri Shirai, 2006, с. 12].

Эволюция регионального управления в Восточной Азии взаимно дополняется участием отдельных восточноазиатских стран в процессе глобального управления. Процесс глобального управления в Восточной Азии прошел путь от развития регионального управления до регионального управления как основного и глобального, а затем к статус-кво, где региональное и глобальное управление разделены поровну.

Первый этап длился с конца 1980-х до середины 1990-х годов – период, когда страны Восточной Азии сосредоточились на региональном управлении, дополненном глобальным управлением. С развитием глобальной интеграции, распадом Советского Союза и ослаблением гегемонии США в Восточной Азии был создан ряд механизмов многостороннего сотрудничества, призванных заменить двустороннюю модель сотрудничества в сфере безопасности с нотками холодной войны. После окончания холодной войны традиционные вопросы безопасности постепенно утратили свой первоначальный приоритет, и вступление в союз безопасности больше не является приоритетом для стран Восточной Азии. Страны Восточной Азии осознали, что они могли усилить свое влияние в международных делах,

только если смогут отбросить прошлые подозрения, использовать механизмы многостороннего сотрудничества в качестве платформы и использовать силу региона в целом для постепенного выхода из подчиненного и пассивного положения в биполярной системе. Были созданы такие механизмы регионального сотрудничества, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (*далее АТЭС*) и «Форум Азия-Европа» (*далее АСЕМ*), в тоже время АСЕАН продолжал расти, Восточно-Азиатский экономический форум (*далее ЕАЭС*) стал более сложным, и субрегиональное экономическое сотрудничество Большого Меконга (*далее СБМ*) набирало силу. На основе стратегической обстановки в Восточной Азии в конце холодной войны, почти 20 стран Азиатско-Тихоокеанского региона подписали соглашение о создании Регионального форума АСЕАН (*далее АРФ*), который стал важным официальным многосторонним механизмом диалога по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем укрепления доверия в межгосударственном сотрудничестве посредством официальных или гражданских контактов. На основе создания и совершенствования региональных многосторонних механизмов в Восточной Азии впервые появилось осознание участия в глобальном управлении: Китай, Япония и другие крупные страны Восточной Азии подписали «Киот-

ский Протокол» и выступили за глобальное экологическое управление в рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию. В этот период Восточная Азия в основном фокусировалась на региональном управлении, демонстрируя характеристики «мягкого механизма» и открытости для участия в глобальном управлении.

Второй этап – конец 1990-х и начало 2000-х годов, когда в 1997 году разразился азиатский финансовый кризис и Восточная Азия начала укреплять региональное экономическое сотрудничество в рамках механизма глобального экономического управления, а в конце 1990-х годов, когда страны Восточной Азии оказались в ловушке финансового кризиса и не смогли спасти себя, США не оказали своевременной помощи, а Международный валютный фонд (*далее МВФ*) не смог сыграть эффективную роль. Страны Восточной Азии начинали осознавать, что только благодаря «самопомощи» и взаимопомощи внутри своих стран они смогут преодолеть кризис и возобновить свое экономическое развитие. Движимые экономическими интересами и тем фактом, что экономические вопросы не затрагивали основные национальные интересы, необходимо было создать более эффективные механизмы экономического управления, чем сотрудничество в традиционных областях безопасности. Азиатский финансовый кризис показал отсутствие ли-

дерства в экономическом сотрудничестве в Восточной Азии, поэтому на базе АСЕАН была организована встреча лидеров АСЕАН+3, которая вовлекла крупнейшие экономики Восточной Азии – Китай, Японию и Южную Корею – в многостороннее экономическое сотрудничество в Восточной Азии и установила различные уровни диалога в различных областях, таких как экономика, дипломатия, окружающая среда и культура. Предложение Японии о создании «Азиатского валютного фонда» (*далее АВФ*), независимого от МВФ, было отклонено из-за сильной оппозиции со стороны США. Китай намеревался подписать Соглашение о свободной торговле (*далее ССТ*) со странами АСЕАН, в то время как Япония и Южная Корея предпочитали развивать свои региональные экономики в рамках глобального торгового режима и ВТО [张卫华, 2007, с. 10]. Совещание высших министров финансов стран Азиатско-Тихоокеанского региона предложило создать «Манильскую рамочную программу» для решения проблемы регионального экономического кризиса, включая создание регионального механизма раннего предупреждения финансовых кризисов, укрепление регионального экономического и научного сотрудничества и добавление новых финансовых инструментов, признавая, что МВФ остается основным механизмом управления мировой экономикой [吴定保, 1998]. На встрече

АСЕАН + 3 в мае 2000 года министры финансов подписали «Чианг-майское соглашение», региональную сеть валютных свопов в ответ на финансовый кризис. Условия соглашения, сроки погашения кредитов и установленные процентные ставки были привязаны к МВФ. В этот период основной задачей стран Восточной Азии было восстановление внутренних экономик, сильно пострадавших от финансового кризиса, и укрепление механизма регионального экономического сотрудничества в знак признания глобального экономического механизма.

Третий этап – период после Террористических актов 11 сентября 2001 года и до середины 2010-х годов. Террористические акты 11 сентября 2001 года не только изменили глобальную стратегию США, но и сильно повлияли на политику безопасности в других частях света. Под давлением США, была осознана необходимость обеспечения стабильности в национальных обществах и преодоления побочных эффектов глобализации, и механизмы управления Восточной Азией были полностью согласованы с глобальной повесткой дня по борьбе с терроризмом под руководством США, а некоторые региональные механизмы экономического управления даже начали брать на себя функции по борьбе с терроризмом. Будучи одним из важнейших многосторонних механизмов экономического сотрудничества в Восточной Азии, АТЭС уделяет

особое внимание вопросам безопасности, включающим финансы, борьбу с терроризмом, здравоохранение, энергетику и региональную политическую безопасность. Пережив такие нетрадиционные вызовы безопасности, как эпидемия ТОРС (SARS) и цунами в Индийском океане, АТЭС скорректировал свой стратегический фокус и расширил сферы сотрудничества, двигаясь в направлении экономики и безопасности одновременно. Однако чрезмерное обобщение организаций выявило незрелость механизма управления в Восточной Азии, и чрезмерное расширение сферы функций организаций привело к дроблению ресурсов и тем самым ослабило присущую ему власть. В этот период, помимо борьбы с терроризмом, стали рассматриваться вопросы нетрадиционной безопасности. В 2002 году стартовала Министерская конференция АСЕАН + 3 по окружающей среде, что свидетельствует о том, что Восточная Азия осознает важность диалога по вопросам охраны окружающей среды, однако сотрудничество ограничивалось двусторонним или субрегиональным уровнем. На заседании АРФ в 2002 году АСЕАН предложила совместные усилия по борьбе с наркотрафиком, контрабандой и отмыванием денег, пиратством и другими транснациональными преступлениями на море. В 2003 году шестисторонние переговоры стали многосторонним механизмом, представляющим международный

интерес, для решения северокорейской ядерной проблемы с целью предотвращения распространения ядерного оружия. Проведенный в 2005 году Восточноазиатский саммит (далее ВАС) рассматривал такие вопросы, как денуклеаризация (ядерное разоружение) Северно-Корейского полуострова, терроризм, птичий грипп и необходимость достижения устойчивого развития, позиционируя эти вопросы как необходимое дополнение к существующему диалогу о сотрудничестве АСЕАН+3. ВАС более открыт, в нем участвует больше стран, он решает более широкий круг вопросов и имеет более универсальные правила, чем АСЕАН+3, и в большей степени способствует интеграции в процесс глобального управления. ВАС продвигает универсальные глобальные правила и ценности в Восточной Азии и способствует партнерству между АСЕАН и другими участниками ВАС.

Четвертый этап – это период после глобального экономического кризиса 2008 года и до конца 2010-х годов, когда процесс глобализации привел к тесной интеграции регионального и глобального управления в Восточной Азии. Глобальный экономический кризис 2008 года был чрезвычайно разрушительным, быстро распространяющимся, транснациональным и сложным, и внутренняя экономика крупнейших стран США и Европы сильно пострадала. Перераспределение гло-

бальной власти, вызванное экономическим кризисом, являлось важной возможностью для новых игроков в Восточной Азии включиться в создание новых механизмов глобального управления. Страны Восточной Азии начали думать о том, как повысить свой экономический статус в глобальном экономическом управлении, пытаясь совместить укрепление регионального управления с перестройкой глобальных экономических механизмов. После разразившегося в 2008 году экономического кризиса статус и роль Восточной Азии в G20 резко изменились, и лидеры стран Восточной Азии провели несколько неформальных встреч в рамках саммита G20, подчеркивая, что соглашение G20 не менее важно, чем соглашение саммита АСЕАН. Страны Восточной Азии также присоединились к Комиссии ООН по глобальному управлению (CGG) для участия в конструктивном диалоге между членами и не-членами G20 по вопросам национальной координации и сотрудничества.

Пятый этап – это вступление в 2020-е годы, когда переплетаются эпидемия коронавируса и беспрецедентные изменения века, когда механизм четырех государств – США, Японии, Индии и Австралии – хеджируется с китайской инициативой «Один пояс и один путь». Риски, вызванные глобализацией, приводят к тесной интеграции регионального и глобального управления в Восточной Азии, в то

время как другие факторы вливаются в многосторонние отношения стран АСЕАН. В течение этого периода страны АСЕАН активно создавали свои механизмы реагирования на риски для общественного здравоохранения, активно сотрудничали на разных уровнях для борьбы с эпидемией, координировали и объединяли свои ответные меры на эпидемию, а также смягчали воздействие эпидемии на здоровье населения, торговлю и поездки. На специальной встрече лидеров АСЕАН-Китай-Япония-Южная Корея (10+3) по борьбе с эпидемией коронавируса, состоявшейся 14 апреля 2020 года, стороны договорились выделить части средств из Фонда сотрудничества Китай-АСЕАН (10+1) и Фонда сотрудничества 10+3 в качестве специального фонда для поддержки стран АСЕАН в борьбе с эпидемией. Стороны договорились укреплять сотрудничество в области разработки и производства вакцин и противовирусных препаратов, а также единогласно решили укреплять систему наблюдения и раннего предупреждения инфекционных заболеваний в регионе, обмениваться соответствующим опытом и показательными случаями, а также своевременно и прозрачно делиться информацией. В ответ на нехватку медицинских ресурсов, выявленную в результате вспышки коронавируса, стороны рассмотрели возможность совместного создания системы запасов медицинских ма-

териалов. В марте 2021 года США, Япония, Индия и Австралия провели первую онлайн-встречу лидеров «Четырехстороннего диалога по безопасности», которая расширила темы сотрудничества и хотела бы способствовать дальнейшему продвижению механизма диалога, одновременно укрепляя взаимодействие со странами вне механизма и демонстрируя тенденцию создания структуры «Четырехсторонний плюс», развитие и влияние которой заслуживает большого внимания [刘琳, 2021, с. 23-25]. США, Япония, Индия и Австралия являются членами ключевых региональных механизмов безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, ядром которых является АСЕАН, включая Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН и Восточноазиатский саммит (10+8) и др. Чтобы развеять опасения членов АСЕАН в разгар геополитических потрясений, лидеры четырех стран подтвердили свою поддержку единства и «центральности» АСЕАН, но в реальности участия и влияния на вопросы региональной безопасности они отдают предпочтение двустороннему, трехстороннему и четырехстороннему сотрудничеству в меньших масштабах, а также стремятся вовлечь европейские страны в дела Индо-Тихоокеанского региона. Эти меры могут нарушить существующую структуру регионального сотрудничества в области безопасности, ослабить центральность АСЕАН в

региональных делах и поставить под угрозу развитие механизма регионального сотрудничества в области безопасности, ориентированного на АСЕАН. Кроме того, четырехсторонний диалог по безопасности охватывает вопросы, которые пересекаются с механизмами регионального сотрудничества под руководством АСЕАН, что может снизить внимание и вклад некоторых стран в механизмы АСЕАН. Четырехсторонний диалог по безопасности также нацелен на расширение Вьетнама и других членов АСЕАН, что в определенной степени может создать опасность для раскола внутри АСЕАН.

Новый порядок регионального управления в контексте региональной культурной политики

Основополагающая логика глобального управления

и региональная культурная политика

С ростом и распространением концепции региональной интеграции, региональное управление постепенно привлекает внимание национальных участников региональной интеграции. На протяжении всей истории можно видеть, что концепция и выбор пути управления под руководством власти долгое время казались путем международного управления в западном мире, как на уровне глобального управления, так и на уровне регионального управления. Хотя с упадком гегемонии западные общества предложили постгегемонистское управление, то

есть международное управление после гегемонии через системы, созданные гегемонистскими державами для ее защиты. Но управление все еще не смогло полностью выйти из-под влияния концепции Запада как центра и утверждения западной модели как единственно правильной. Культура как фактор, оказывающий глубокое влияние на международное управление, кажется, более или менее сознательно игнорируется. В частности, окончание холодной войны привело к историческому триумфу Запада и столкновению цивилизаций, что, помимо прочего, привело к возрождению власти и систем (в основном тех, которые были созданы при доминировании западных держав) в международном управлении. Однако подъем незападных стран как группы, представленной Китаем, свидетельствует о том, что не-западные цивилизации не отстают от западных. Именно по этой причине культура заново открыта как фактор, который когда-то был отфильтрован от западного взгляда на международное управление. Как ключевой фактор международного управления, культура оказывает важное влияние не только на глобальное управление, но и на региональное управление в контексте интеграционных процессов, что нельзя недооценивать.

а) Силовое управление: «закон джунглей» при законе слабых

Власть была одной из самых ранних проблем, обсуждавшихся в науке международного отношения,

и является постоянной темой исследований, связанных с политикой. С введением концепции международного управления в общую картину стало входить управление, ориентированное на власть. Согласно логике реалистического анализа, в анархической мировой системе каждый отдельный и рациональный субъект должен постоянно увеличивать свою власть, чтобы выжить и сохранить себя. В международном обществе, которое еще не породило единое мировое авторитетное правительство, укрепление собственными силами является единственным рациональным вариантом для субъектов, чтобы избежать разрушения. Из этой же логики вытекает и то, что в развитии международного управления власть вновь вошла в дискурс международного управления в качестве, казалось бы, всемогущего фактора. Согласно логике силового управления, будь то в глобальном или региональном управлении, субъект, обладающий абсолютной властью, является субъектом управления и имеет право доминировать в процессе управления и контролировать правила игры в управлении, как, например, в исторический период колониальной экспансии западного капитализма, с мощными кораблями и пушками, когда центр власти с Португалией, Испанией и Британией в качестве ядра осуществлял грабеж и примитивное накопление капитала в не-западном мире, и после того, как это силовое разграб-

ление привело к разрушению местной социальной структуры и традиционной культуры, возникло силовое управление западного капитализма в местном обществе. Не случайно логика силового управления также следует другой логике мышления: власть, главным образом, состоит в том, что западные капиталистические страны имеют право управлять решением различных вопросов. Поскольку другие страны являются отсталыми и некомпетентными по сравнению с Западом, он лишен права управлять местными обществами и даже международным сообществом. Поскольку международное управление под руководством Запада сталкивается с многочисленными дефицитами управления и дилеммами перед лицом распространения глобализации, логика международного управления под руководством власти, которая когда-то считалась западными капиталистическими державами эффективной, выглядит несколько беспомощной. В общем, особые исторические условия, которые позволили Западу доминировать в мире с XIX века в условиях несбалансированного распределения глобальной власти и которые впоследствии создали подъем сверхдержав, больше не существуют: статус сверхдержавы США больше не является устойчивым, и другие западные державы не имеют необходимых материальных и социальных преимуществ, чтобы стремиться к глобальному домини-

рованию. Перед лицом провала силового управления в международном управлении, постгегемонистское управление, представленное институциональным управлением, начало входить в дискурс международного управления.

б) Институциональное управление: игра великих держав в постгегемонистскую эпоху

Поскольку логика силового управления, которой придерживались западные капиталистические державы в международном управлении, постепенно сталкивались с многочисленными дилеммами и вызовами на фоне напряженности между глобализацией и контрглобализацией, интеграцией и фрагментацией, начал формироваться новый дискурс международных механизмов как логики международного управления, который демонстрирует тенденцию к замене силового управления. Так называемое институциональное управление осуществляется в основном через международные механизмы и режимы, созданные под руководством западных стран, такие как НАТО, G 8, НАФТА и другие региональные и глобальные организации и механизмы для регулирования, например, транснациональных преступлений, экологического ущерба, финансовых преступлений и т. д. Это так называемое институциональное управление следует логике, которая все еще не свободна от узкого видения того, что оно ориентировано на Запад и служит исклю-

чительно западным интересам. Конечно, нельзя отрицать, что международные механизмы, созданные Западом, не совсем неэффективны в международном управлении. Всемирный банк, Международный валютный фонд и ЮНЕСКО сыграли положительную роль в решении проблем глобального управления, но это только потому, что западные державы забрали львиную долю дивидендов от управления. Поскольку мировая власть продолжает смещаться в не-западном направлении, и в то же время западные ученые выступали за столкновение цивилизаций и т. д., относительно ослабевающие западные страны начинают задумываться о планировании постгегемонистского международного управления. Столкнувшись с подъемом и расцветом незападного мира, западные страны начали смещать акцент на институциональное управление, чтобы продолжать занимать высокие позиции и контролировать дискурс международного управления в постзападную эпоху. Разумеется, это институциональное управление представляет собой постзападное силовое управление мировой экономикой и политикой, основанное на потребностях западных интересов, с международными механизмами и системами, созданными под руководством западных капиталистических стран, в качестве основной платформы управления. На первый взгляд, из-за глобального характера субъектов, участвующих

в создании международных механизмов и режимов, кажется, что возглавляемое системой международное управление полностью представляет интересы всего международного сообщества, но при более глубоком рассмотрении выясняется, что это всего лишь защита интересов западного капитализма под видом международного режима. Более глубокая причина заключается в том, что эти международные режимы по-прежнему являются лишь инструментами западного управления международным обществом. И силовое, и постгегемонистское международное управление воплощают рациональность, унаследованную от эволюции западных обществ, где она занимает ключевую позицию и продолжает играть важную роль. Более глубокая причина заключается в том, что эти международные режимы по-прежнему являются лишь инструментами западного управления международным обществом.

в) Культурное управление: многосторонние отношения в условиях поворота к социализации

С переосмыслением и критикой инструментальной рациональности, рационализма в международном управлении, такого как управление властью и институциональное управление, начался социальный поворот в управлении, а после появления социологического поворота в международной политике, культура также стала привлекать все большее внимание исследователей.

Наиболее важным в социализированном повороте в международном управлении является культура и ее место и роль в международном управлении. С окончанием холодной войны между США и Советским Союзом в западных странах и обществах время от времени возникают такие аргументы, как «теория конца истории» и «столкновение цивилизаций». Хотя эти аргументы, естественно, предназначены для оправдания и даже прославления западного капитализма, но, объективно говоря, они поднимают новые вопросы для международного управления в эпоху после холодной войны. Региональные конфликты, национальные распри и этнические споры, которые были подавляемы биполярной конфронтацией, вспыхнули в результате распада Советского Союза и окончания холодной войны. Это также ставит перед международным управлением еще одну дилемму: следует ли продолжать исторически эффективную логику и практику управления с опорой на власть? Или продолжать руководствоваться международной системой, созданной при доминировании Запада, с Западом как доминирующей силой в решении различных возникающих глобальных и региональных проблем, таких как распространение и разрастание терроризма и разделение между религиозным радикализмом и светской политикой? Как отмечается в исследованиях по сравнительной политике и политической культуре, культура – это глубочай-

ший механизм возникновения, заложенный в индивидуальном и даже коллективном сознании. Эта глубинная культура и ее функции нелегко меняются с историческим развитием, например, развитием экономики или промышленных технологий. Культура является относительно более стабильным и постоянным фактором. Можно утверждать, что почти во всех новых вызовах, возникших в международном управлении, есть общий знаменатель: культура и ее влияние. Именно по этой причине призыв к культурному управлению в международном управлении начал набирать обороты. В конце концов, международная политическая культура отражает международную политическую экологию определенного периода времени, и в ходе взаимосвязанного развития в мире постепенно формируется чувство общности человеческих судеб. Культивирование гармоничной и симбиотической международной политической культуры посредством гуманитарных обменов и образования в области международных отношений также является важным элементом глобального управления и построения международного порядка. В частности, ряд событий, произошедших после Террористических актов 11 сентября 2001 года, таких как распространение ИГИЛ, «Арабская весна» и ее последствия, а также различные другие явления антиглобализации и возвращения геополитики – все это потребовало деконструкции и ре-

конструкции международного управления на более глубоком уровне. Теория «столкновения цивилизаций» необъективна в силу ограничений времени, но она подтянула международное сообщество к перспективе цивилизационных и культурных исследований и обеспечила платформу для социализированного поворота в международном управлении, представленного культурным управлением.

Заключение

Благодаря вышеприведенному краткому обзору и анализу, можно сделать вывод, что хотя традиционные концепции и логики международного управления – силовое управление в анархических международных обществах и постгегемонистское институциональное управление – сыграли положительную роль и продолжают играть определенную ценность, но вместе с тем с социализацией международной политики и ее дальнейшим развитием в повестку дня международного управления начала входить логика управления, представленная культурным управлением. Она постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. Это также предполагает, в более широкой перспективе, что восстановление мирового культурного порядка не может быть достигнуто без культурного поворота в международном управлении и ценностях, которые оно несет. Таким образом, во второй части нашего исследования мы рассмотрим новые модели регионального куль-

турного управления, принципы регионального порядка в новых международных отношениях на основе концепции «礼尚往来

(lǐshàngwǎnglái)» и продолжим изучение китайской парадигмы регионального управления.

Библиографический список

1. Государственный Совет КНР: «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI», 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.htm>. (Дата обращения: 30.03.2023).
2. Miles Kahler “Asia and the Reform of Global Governance”, paper prepared for the Asian Economic Policy Review conference “Asia Reshaping the Global Economic Order: Trade and Finance”, 10 Apr. 2010, Tokyo.
3. Sayuri Shirai “Financial and Monetary Cooperation in East Asia: Global Governance and Economic Integration”, paper prepared for international workshop on “An East Asian Community and the US”, Tokyo, Jun. 2006.
4. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013,21(02):35-42.
5. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015,(04):73-86.
6. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动[E/R]. 2015.3.29.
7. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010,(07):36-50+156.
8. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
9. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
10. 李丹, 董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.
11. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021,(10):23-25.
12. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号):27-29.
13. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007,(04):30-36.
14. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010,(02):32.

15. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
16. 吴志成,杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态,2012,(10):17-23.
17. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术,2006,(01):65-71.
18. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
19. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济,2007,(08):10-12.
20. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变:模式与过程[J]. 国际政治研究,2006,(01):57-71.
21. 张云. 国际关系中的区域治理:理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学,2019,(07):186-203+208.

Reference list

1. Gosudarstvennyj Sovet KNR: «Videnie i dejstvie, napravlennye na pro-dvizhenie sovместного stroitel'stva “Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti” i “Morskogo Shelkovogo puti XXI» = PRC State Council: “Vision and action to pro-mote the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road XXI”, 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.htm>. (Data obrashhenija: 30.03.2023).
2. Miles Kahler “Asia and the Reform of Global Governance”, paper prepared for the Asian Economic Policy Review conference “Asia Reshaping the Global Economic Order: Trade and Finance”, 10 Apr. 2010, Tokyo.
3. Sayuri Shirai “Financial and Monetary Cooperation in East Asia: Global Governance and Economic Integration”, paper prepared for international workshop on “An East Asian Community and the US”, Tokyo, Jun. 2006.
4. 白云真,贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报,2013,21(02):35-42.
5. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察,2015,(04):73-86.
6. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动[E/R]. 2015.3.29.
7. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治,2010,(07):36-50+156.
8. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
9. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
10. 李丹,董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.

11. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么 [J]. 世界知识, 2021, (10): 23-25.
12. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设 [J]. 国际问题论坛, 2007 (夏季号): 27-29.
13. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作 [J]. 亚非纵横, 2007, (04): 30-36.
14. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力 [J]. 中国物流与采购, 2010, (02): 32.
15. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行 [R]. 人民日报, 1998.11.10. (7).
16. 吴志成, 杨娜. 全球治理的东亚视角 [J]. 国外理论动态, 2012, (10): 17-23.
17. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理 [J]. 东南学术, 2006, (01): 65-71.
18. 俞可平. 治理与善治 [M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
19. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生? [J]. 经济, 2007, (08): 10-12.
20. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变: 模式与过程 [J]. 国际政治研究, 2006, (01): 57-71.
21. 张云. 国际关系中的区域治理: 理论建构与比较分析 [J]. 中国社会科学, 2019, (07): 186-203+208.

Статья поступила в редакцию 04.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 04.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023